

Грузинские песни и смех злых детей в трагедии Еврипида

Российская премьера моноспектакля Аллы Демидовой "Медея" в постановке греческого режиссера Теодора Терзопулоса продолжила программу Второго международного театрального фестиваля имени А.П. Чехова. За основу был взят текст Хайнера Мюллера "Медея-материал". Демидова была едина во всех лицах, передавая пафос древнегреческой трагедии за час. И показав Медею не столько классически отчаявшуюся и карающую бросившего ее мужа, сколько Медею страдающую и наказывающую преж-

— "Медея" — это моя вторая работа с Теодором Терзопулосом. После нашего первого спектакля — "Квартет" мне и дальше хотелось играть у него, но мы не могли выбрать, что поставить. В ноябре театр приехал в Москву, и по его предложению мы стали репетировать "Прекрасные дни" Беккета. Надо сказать, что я еще на Таганке репетировала примерно год эту пьесу с Анатолием Васильевым и потому хорошо знала и ее достоинства, и трудности. И нехотя, зная "подводные течения", заложенные в пьесе, но с огромным желанием работать с Теодором, стала заново вспоминать текст. Месяц мы искали партнера, Теодор очень много посмотрел актеров, а потом сам сказал, что, может, лучше взять другую пьесу. И тогда возникла "Медея".

xxx

— В спектакле использованы архаичный греческий речитатив и грузинская народная музыка. Музыкальная партитура — вопрос, до конца не решенный Теодором. Еще он просил меня найти смех злых детей. Я привезла несколько вариантов, на "Радио России" мне все бескорыстно записали. Режиссер прослушал и выбрал чисто музыкально, не соединяя ничего концептуально. Но я считаю, что мы тут не грешим.

xxx

— Театральная работа — работа коллективная. Очень важен третий глаз — режиссерский, ко-

торый корректирует то, что найдено до репетиций — мною, Теодором, в наших общих разговорах за ужином. Тогда и происходит основная работа, а репетиции — это уже скорее технический этап. У Любимова другой почерк, он все ищет во время репетиций. А у Эфроса было больше собственных домашних заготовок, которые он нам передавал даже не словами, а интонацией, проигрывая отрывки.

xxx

— Во время работы я не бегала по музеям. Я сидела в своей однокомнатной камере в отеле. И все получалось на интуитивном уровне. А у Эфроса было интуиция, надо многое знать. Я всю жизнь ненавидела режиссеров, которые говорят, что актеры должны быть дураками. Я ненавижу и то слепое чувство, какое несли некоторые актеры в 60-х годах, не оформленное ни мыслью, ни идеей. А что такое интуитивная работа? Например, в цветаевской "Федре", поставленной Виктюком, у меня было платье — вроде бы современное. На это тогда критики обращали внимание, а я ничего не могла возразить. Но платье мне нравилось, в нем удобно было играть, используя, как Теодор называет, "телесный язык". И однажды в Греции случайно я бродила в каком-то маленьком музее маленького городка, не очень внимательно смотрела на античные вазы, потому что они вроде уже всем знакомы, и вдруг уви-

де всего себя. Отравленный наряд, предназначенный новой жене Ясона, в конце спектакля Медея опускает на свои плечи, а потом и вовсе укутывается в него, как бы поняв, что страшной мстителью сделала большее себе.

Новой Медее, появившейся на один день в Москве и отправляющейся в ближайшее время на гастроли в Турцию, Испанию, Японию, и режиссеру, с которым после ухода из Театра на Таганке работает актриса, посвящалась пресс-конференция Аллы Демидовой.

xxx

дела старую-старую вазу, на которой была изображена танцовщица абсолютно в таком же платье, с таким же вырезом. Как будто я специально взяла этот рисунок и сделала костюм для спектакля. Так и во всем. Когда начинаешь репетировать, о жестках не думаешь — архаика это или современность. Идет интуитивный хаос, который, подчеркиваю, питается знаниями. Теодор говорит, что убрать, а что зафиксировать, — без "третьего глаза" режиссера, которому веришь, этот хаос мог остаться и на сцене.

xxx

— У нас в России недооценивают язык жестов. А психологизация внутренней партитуры (говорю не психология, а психологизация — немножко иронизируя) заводит подчас нас в словесный тупик. Мне интереснее играть перед зрителями, которые не понимают язык. Я заметила, что они более адекватно реагируют на происходящее — как ни странно, понимание языка трагедии мешает, потому что ее надо воспринимать другими органами чувств. И мы пытаемся искать иной энергетический уровень. У меня интерес в этом направлении очень большой — после таких экспериментов уже пресно работать над просто пьесами с бытовыми делами и прочими отношениями так называемых мужчин и так называемых женщин.

— Я, может быть, ушла с Таганки еще и из-за довлеющей иерархии огромного театра, когда никто ничего не делает, но в то же время очень много ответственных. А над "Медеей" мы работали втроем — режиссер, сценарист и я, и все делали сами — сами мастерили декорации, сами их грузили. Театральное руковоство тоже нами было забыто в громоздкой репертуарной жизни. Сейчас мы заставляем все декорации в узлы и можем без грузовиков и фургонов переезжать из страны в страну. В этом есть что-то от старого театрального бродяжничества.

xxx

— "Медея" посвящена памяти драматурга Хайнера Мюллера и кинорежиссера Сергея Параджанова. Теодор Терзопулос много лет работал и дружил с Мюллером, я же видела его только один раз в прошлом году в Таормини, когда ему вручали литературную премию. Приехал уже смертельно больной человек. Приехал, я думала, с дочерью, а оказалось — с молодой женой. Сидел целую неделю, пока умные люди мира говорили о его творчестве, полуспаивал в первом ряду, пил или вино, или пиво и через каждые десять минут выходил курить. Мне это все очень нравилось...

А идея грузинской музыки, то, что Медея из Колхиды, — давно было в подсознании. Моя бли-

жайшая подруга — Маквала Касрашвили. Я наблюдаю за ее золотым характером, за ее сестрами, приятельницами — вокруг много грузинских женщин — и вижу иногда их проявления. Они очень спокойные, молчаливые, и вдруг в каких-то моментах с ними случается взрыв. Я подумала — вот это Медея. Почему Медея должна все время некое "орало" изображать на сцене? Медея — грузинская женщина. Она тихая, но с ней происходят такие "взрывы".

Потом возникают ассоциации: Грузия, Параджанов, Тбилиси, его маленькая комната, набитая коллажами и тряпочками. Если бы он сейчас был с нами, он пришел бы обязательно в каком-нибудь стеганом халате и сказал, что это подарок персидского хана. Он придумывал себе сюжеты. Наши навороты тряпок (может, и не очень архаичные) — параджановские. Жалко, что теперь его нет с нами... Мы могли многим бы посвящать свою работу, потому что мы "питаемся" от других, ведь живем в одно время. Но это было бы нескромно с нашей стороны.

Подготовила
Ирина КОРНЕЕВА.

Демидова Алла

27.5.96